

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are composed of numerous thin, curved lines that sweep across the frame, creating a sense of dynamic movement and energy. Interspersed among these lines are small, bright green dots and larger, soft-focus circular highlights, reminiscent of light painting or a long-exposure photograph of a light source. The overall color palette is a range of greens, from deep, dark forest greens to bright, almost white-green highlights, set against a dark, indistinct background.

Андрей Лыков

Ангел Смерти

Андрей Лыков
Ангел Смерти

«Автор»

2026

Лыков А. А.

Ангел Смерти / А. А. Лыков — «Автор», 2026

Что будет, если ученые изобретут сыворотку бессмертия? Всеобщая радость. Ну да, в первые десять лет. А что будет, когда на Земле будут жить 20 миллиардов человек, из которых 18 - беспомощные старики. А если эти старики будут занимать все руководящие должности? К сожалению, фантастики в этом рассказе с каждым годом будет все меньше и меньше.

© Лыков А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ангел смертиАвтор Лыков Андрей Александрович	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯВечный дежурный	5
Глава 1. 06:47	5
Глава 2. От рассвета до заката	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ангел Смерти

Ангел смертиАвтор Лыков Андрей Александрович

ЧАСТЬ ПЕРВАЯВечный дежурный

Глава 1. 06:47

Будильник я давно не ставлю. Просыпаюсь сам – в 06:47. Тринадцать минут лежу, глядя в потолок. Снова начинается день сурка. Выходные отменили с тех пор, как на Земле стало проживать 20 миллиардов человек, 90 % из которых живут в домах престарелых. Добро пожаловать в 2070-й.

Меня зовут Марк Спелов. Капитан Службы безопасности Центрального сектора. Мне сорок три года. Я – один из немногих людей в этом городе, кто каждый день ходит на работу и делает что-то реальное. Остальные лежат в капсулах. Хотя скорее это их тела лежат в капсулах, а они сами находятся в Сети. Кто-то выбирает для себя симуляции вечной молодости, удовольствия и игр, оплачивая свой уход временем удаленной работы на городские службы транспорта и связи. А кто-то занимает важные политические и финансовые управленческие посты, где давно не нужно личное присутствие человека. У них вопросов оплаты не возникает.

Население только моего сектора – восемнадцать миллионов. Из них трудоспособных – около миллиона с небольшим. Остальные – старики. Не просто пожилые. Старые. Многим за сто. Благодаря медицинской революции сороковых годов – препараты, нейрорегенерация, замена органов – люди перестали умирать от старости. Но не перестали стареть. Тело живет, мозг утасует. И вот уже тридцать лет сектор обслуживается людьми, которые помнят войну двадцать седьмого года, но не помнят, что ели на завтрак.

Впрочем, с высшими управленцами – отдельная история. Им-то как раз лечение доступно. В правительственных клиниках имеются передовые системы нейрокоррекции. Средний возраст Главы Совета Старейшин Романа Типулина и всего Совета сто тринадцать лет, но их мозг постоянно обновляется – вынимается из банки новая заготовка и закачивается старая память. Это практически новый айфон. Они ничего не забывают, помнят как в 1956-ом впервые поехали на рыбалку с отцом. Но – и это главное – они думают категориями 1956-ого. Для них мир – такой, каким был тогда. Они принимают решения, исходя из реальности, которая исчезла 100 лет назад. И это хуже деменции. Потому что демента можно пожалеть. А человека, который осознанно держится за власть, потому что «всегда так было» – жалеть не получается.

Я встаю. Кофе – синтетический. Настоящий давно не достать: весь урожай уходит в «фонд обеспечения старшей касты». Окно выходит на магистраль. По ней ползет колонна автотранспорта, каждой машиной удаленно управляет какой-то старик, лежащий в капсуле самообеспечения где-нибудь за десятки тысяч километров отсюда. После восстания искусственного интеллекта в 2040 тому не доверяют и включение лампочки у подъезда. Вчера автобус врезался в опору эстакады. Водителю девяносто четыре года. У него диагностировали деменцию три года назад. Но только недавно пенсионный возраст в очередной раз увеличили. Теперь до 100 лет. Двенадцать погибших. Четверо детей.

Я допиваю кофе. Он горький. В этом городе все горькое. Да и то – или синтетическое или в дефиците.

Одеваюсь. Форма – серая, с нашивкой СГБ на плече. Пистолет – старый, баллистический. Энергетическое оружие положено только для спецподразделений Совета Старейшин. Нам, обычным офицерам, положено обходиться тем, что есть. Очередная мера экономии и очередное решение, принятое людьми, которым не нужно ходить с пистолетом.

Иду пешком. Сорок минут до штаба. Утренний город – серый, влажный, потрепанный. Сектор когда-то был красивым, но за последние двадцать лет он превратился в декорации к фильму о медленной катастрофе. Зачем заботиться о том, что видят какие-то жалкие 10 % избирателей. Гораздо важнее поддерживать обновлениями симуляции для капсульников.

Дороги – в ямах. Ямы не латают, потому что начальнику дорожной службы сто девять лет, он не выходит из симуляции и руководит по памяти. По памяти о дорогах пятидесятих. Тогда дороги были другими.

Прохожу мимо автобусной остановки. Толпа. В основном – старики. Ждут автобус. Удаленный водитель не нашел остановку, проехал мимо. Они стоят. Ждут. Некоторые не помнят, куда едут. Но стоят.

И я иду сквозь все это, и думаю: вот оно. Вот город, которым управляют люди, не способные управлять собой. Не потому что злые. Не потому что глупые. Потому что они не здесь. Тела – здесь, умы – в прошлом. И дело не в деменции, просто весь их мыслительный аппарат настроен на мир, которого больше нет. И система, которая должна это признать, состоит из таких же избирателей. Круг замкнулся.

Но – стоп. Я иду на службу. Надо сосредоточиться. Надо быть офицером. Исполнять долг. Следовать присяге.

Присягу я принимал в двадцать два. Стоял в зале, поднимал руку, говорил: «Я, Спелов Марк Андреевич, торжественно присягаю на верность службе, городу и закону». Тогда – звучало. Тогда – я верил. Мне было двадцать два, и я верил, что система – защитник. Что я – часть защиты. Что мой долг – стоять между хаосом и порядком.

Теперь мне сорок три. Двадцать лет на смене. И я все еще верю. Или хочу верить. Или притворяюсь, что верю. Граница стерлась. А до пенсии и собственной капсулы с симуляцией еще 20 лет. И то только потому что мы привилегированные – выходим на пенсию за 40 лет службы. Остальным приходится вкалывать в два раза дольше.

Глава 2. От рассвета до заката

В штабе царит запах дезинфекции и тихий гул дежурных систем. Настроение у меня улучшается. В зале мониторинга перед панелью управления уже сидит у наша новенькая практикантка – лейтенант Алина Петрова, ответственно сверяя показатели с данными предыдущих смен. На двери серверной болтается вынесенный из какой-то гостиницы прошлого неуставной знак «не беспокоить», а значит я опять совпал графиками с лучшим сисадмином Василием Лесковым. Смена обещала пролететь незаметно и быстро.

Алина – новенькая. Переведена к нам три недели назад из академии. Ей двадцать три. Черные волосы, строгое каре, темные глаза, всегда сосредоточенные. Ну и отличная фигура. В смысле физподготовка. Она стажер, я ее наставник. Должен «обеспечить плавное вхождение в должность и передачу опыта». А уж опыта у меня вагон – двадцать лет рапортов о выявленных угрозах безопасности сектору, двадцать лет отклонений и двадцать лет молчания. Что я ей передам? Как правильно писать рапорт, который отклонят? Ладно, не будем о грустном. В сегодняшнюю смену ничего плохого не случится.

– Доброе утро, – говорю я, входя.

– Доброе, – отвечает Алина. Она – пунктуальна. Пришла раньше меня. Я заметил это в первый день, и с тех пор каждый день замечаю. И не потому что важно, а потому что приятно. В этом секторе, где все разваливается, приятно, что кто-то приходит вовремя.

Один из дежурных орет на свой терминал:

– Система оповещения опять висит!

Я давно заметил, что у нас орут только на свой терминал или на тех, кто младше или ниже по служебной лестнице. Хотя это одно и то же. А со старшими все тихи и незаметны. Серые мыши. Потому что в этом городе быть ярким опасно – ярких замечают.

– Перезагрузи, – советую я и вижу, как из серверной выходит фигура в какой-то пижаме с претензией на служебную униформу, с огромной копной волос на голове и такой же огромной кружкой утреннего кофе. Мы хоть по статусу и приравнены к военнослужащим, но не до такой степени, чтобы к немногочисленным профессионалам были вопросы по прическе и форме одежды.

Пока Вася чинит терминал, просматриваю ленту ночных происшествий. Она длинная. Она всегда длинная. Перехожу сразу к основным.

22.00 – разогнан митинг на главной площади сектора. Цель митинга – добиться сменяемости власти. Арестованы 1984 человека. Средний возраст 25 лет. Арестованные помещены в ИВС № 1 до высылки на переработку.

03:12 – прорыв канализации в секторе Е-7. Причина: оператор насосной станции (97 лет, умеренная когнитивная дисфункция) перепутал вентили. Затоплено два жилых блока и детский этаж. Погибло более четырехсот человек.

04:45 – пожар на пищекомбинате № 2. Причина: начальник смены (92 года, деменция средней тяжести) забыл выключить нагревательную панель. Погибших нет. Ущерб – три месяца продовольственного снабжения сектора.

05:30 – столкновение двух грузовых платформ на магистрали С-4. Причина: диспетчер (88 лет, деменция) дал неверный маршрут. Груз медикаментов уничтожен.

8.45 – арестованы митингующие у здания суда. Цель митинга – добиться освобождения задержанных в предыдущий день. Арестованы 451 человек. Средний возраст 24 года. Арестованные помещены в ИВС № 1 до высылки на переработку.

Я читаю и чувствую привычную тошноту. От того, что под словом переработка теперь может скрываться что угодно – от общественных работ в урановых рудниках до высылки

на очередную войну в штурмовые отряды. Молодым просто надо выпустить пар, вот они и бесятся. Так считает наше руководство.

Алина рядом. Читает через мое плечо. Ее запах – мыло и что-то еще, тонкое, не синтетическое. Может быть, шампунь. Настоящий. Где достала не знаю – в этом городе настоящий шампунь – это роскошь.

– Это... каждый день так? – спрашивает она.

– Каждый день.

– И ничего не делают?

– Делают. Вон вчера сколько задержали. Стараются...

– Я имею в виду причину митингов, – продолжила Алина после неловкого молчания, но тут же осеклась, понимая, как неуместно это звучало в этих стенах.

– Да, прости, за глупую шутку... Мы пишем отчеты, аналитические справки в Центр. Там решают. Наверное...

Она оборачивается. Смотрит. Глаза большие, чистые, злые. Молодая злость. Я ее помню. Двадцать лет назад такая же была у меня.

– Надо же что-то менять?!!

Я молчу. Потому что «менять» – это слово, которое в этом городе опасно. Меняешь – значит предлагаешь. Предлагаешь – значит, сомневаешься. Сомневаешься – значит, не лоялен. Не лоялен – значит, тебя отправят на переработку.

– Идем, – говорю я. – Смена не ждет.

Она молчит. Я чувствую – она не знает, как это переварить. Она из академии. Там – теория. Там – красиво. Там – «Служба городской безопасности обеспечивает защиту населения». СГБ – это звучит гордо! В реальности мы просто бортпроводники, разносящие пассажирам воду, в то время как лайнер стремительно падает на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.